Сов. культура. — 1988.
12 июня. — с. 5

Танец ее души

Иногда приходит к артисту счастливая роль, для которой он как будто создан. Такую роль дала Елене Ивановой, солистке балета Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, постановка Д. Брянцева «Девять танго и... Бах». Ее танго — немного чаплиновское — легкая усмешка, доверительная улыбка, в которой есть что-то щемящее. Героиня словно хочет доказать, что ей все нипочем, подсмеивается над всеми и над собой тоже. Запоминается ее открытый, с веселыми искорками взгляд — прямо в зал, в глаза зрителей.

Танец Е. Ивановой — яркий, самозабвенный, ее выразительные возможности довольно широки. В «Лебедином озере» балерина в разных спектаклях исполняет изысканную мазурку, упоительный испанский танец, завораживающий венгерский. А в «Дон Кихоте», являясь то Уличной танцовщицей, то Мерседес, она — словно частица бурной стихии народного танца. Но вот в «Золушке» и «Штраусиане» ее героини нарисованы другими красками — от непринужденной шутки до откровенного гротеска.

Примечательно, что, находясь на сцене, артистка никогда не выходит из образа. Большая ли роль, маленькая, танцует она или просто стоит в толпе, Лена постоянно в контексте спектакля, чутко, живо откликается на все происходящее. И потому трудно оторвать взгляд, например, от ее Цыганки в «Эсмеральде». Она создает сильный образ, который становится одним из главных в балете.

Не раз приходилось слышать, что зрители, увидав однажды на сцене Е. Иванову, ждут ее участия в других спектаклях. И, наверное, трудно однозначно определить секрет ее притягательности. Обаяние? Да, безусловно. Щедрый артистизм? Конечно. Блеск виртуозности? Несомненно. Но есть и еще что-то, возможно, самое главное, что отличает талант,— душевная наполненность. Потому встреча с Еленой Ивановой незабываема.

С. САМСОНОВА.

● *Танцует Е. Иванова.*
Фото В. Лангина.